

Под руководством Тан Цзин все осмотрели золотой прииск: часть людей осталась, а часть уехала. Спустя месяц прибыли несколько десятков больших кораблей, доставивших рабочих и множество различных товаров.

Благодаря этим купцам остров ожил, и всего за год его население выросло до ста с лишним тысяч человек.

Конечно, мужчин было гораздо больше, чем женщин. Большинство женщин привезли с собой лишь для развлечений, и лишь немногие состояли в законном браке.

Видя, что народу прибавилось, Тан Цзин велел Цянь Додо заняться благоустройством и разрешил всем возводить дома и селиться на островах на долгие годы.

В этот день в полдень Тан Цзин прогуливался по новому кварталу, глядя на открывающиеся лавки и снующих туда-сюда людей, и на душе у него было весьма приятно.

— О?

Один из прохожих привлек внимание Тан Цзина. Это был мальчишка, с головы до ног покрытый грязью.

— Эй, парень! — Тан Цзин подошел, преградил ему путь и с улыбкой спросил: — Куда путь держишь?

— Работать! — ответил подросток.

— Поработаешь на меня? — Тан Цзин достал серебряный юань и посмотрел на него с искренней улыбкой.

— Ладно. — Мальчишка взял серебряную монету. Он перебивался случайными заработками, так какая разница, где пахать?

Это был район новой застройки, находившийся далеко от жилища Тан Цзина, поэтому он, разумеется, не собирался вести мальчишку домой — вместо этого он купил кое-какой скарб и велел пареньку нести его.

После обеда Тан Цзин спросил: — Как тебя зовут?

— Меня зовут Е Хуай! — ответил подросток.

— Странное у тебя имя! — Тан Цзин нахмурился.

— Ничего странного. Мама говорила, что горько пожалела о том, что родила меня, поэтому и назвала меня Е Хуай — Сожалеющий о Е, — равнодушно произнес Е Хуай.

— А как зовут твою мать? — Тан Цзин попытался сохранить самообладание, но в душе у него бушевала буря: неужто этот сорванец — его собственный сын?

— Мою маму зовут Е Дуо, — отведал Е Хуай.

Вот оно что!

Ирония судьбы!

На душе у Тан Цзина было скребленно кошки, но внешне он держался так, будто ничего не произошло.

Больше Тан Цзин расспрашивать не стал и с улыбкой предложил: — Мне нужен кто-нибудь на побегушках. Хочешь пойти со мной?

— Хочу! — Е Хуай не стал колебаться. Он перебивался подработками, ему было всё равно, куда идти.

Тан Цзин больше ничего не сказал. Пообедав, он повел Е Хуая покупать новую одежду, отвел его в баню, и после того как парень переоделся в обновки, тот преобразился: молодой, статный, от него так и веяло благородством.

Тан Цзин купил небольшой дворик, временно обустроился там, поручил Е Хуаю нехитрую домашнюю работу, а остальное время обучал его боевым искусствам.

Управленческие способности Цянь Додо были на высоте, так что при огромном скоплении народа беспорядков не возникало. Если и случались споры, то дело ограничивалось лишь перебранкой, а до драки доходило крайне редко.

Днем Тан Цзин проводил время с сыном, а по ночам тайком возвращался обратно. Пролетело три года, и под его началом Е Хуай превратился в могущественного мастера Императора Боевых Искусств.

Пришло время расставания. Тан Цзин велел Е Хуаю покинуть остров и настрого запретил возвращаться.

Е Хуай не понимал почему, но со слезами на глазах опустился на колени, прощаясь. Эта поездка на морской остров полностью изменила его судьбу.

Покинув остров, куда ему было податься?

Поразмыслив, Е Хуай решил разыскать свою мать Е Дуо.

Е Дуо все еще прозябала на землях семьи Тан. За эти годы она сильно изменилась — и внешность ее, и скверный характер претерпели перемены.

Она растолстела, подурнела, нрав ее испортился еще сильнее. Выйдя замуж за жирного толстяка, она родила сына и дочь, вечно бранила детей и скандалила с соседями.

Когда Е Хуай внезапно появился на пороге, Е Дуо тут же принялась орать: — Где тебя черти носили до самой смерти?!

Она была на взводе, и, увидев Е Хуая, швырнула в него то, что попало под руку.

Е Хуай не стал уворачиваться и не сердился — на лице мастера Императора Боевых Искусств не дрогнул ни один мускул.

— Вылитый твой папаша-покойник! Раз подохнуть собрался, так сдох какого-черта приперся обратно?! — Увидев Е Хуая, Е Дуо не только не обрадовалась, но при виде сына вспомнила Тан Цзина — того бессердечного человека, и ее сердце наполнилось жгучей ненавистью!

После ухода Тан Цзина нашлось немало желающих пожить за счет ее сбережений. Доходов не было, и деньги быстро растаяли. Когда средства иссякли, каждый стал сам за себя, и для нее настали тяжелые времена.

Она ненавидела Тан Цзина!

И эту ненависть она автоматически перенесла на Е Хуая.

Видя, что мать ему не рада, Е Хуай ничего не сказал, развернулся и ушел.

Купленный Тан Цзином дом к тому времени уже забрала себе семья Цинь, и Е Хую пришлось заново выкупать жилье, иначе ночевать ему пришлось бы прямо посреди улицы.

Поскольку за домом никто не ухаживал, внутри было полно пыли. Е Хуай нанял нескольких человек, чтобы те навели порядок, и решил пока остаться здесь.

Е Дуо вышла замуж во второй раз, и теперь семейство из четырех человек ютилось в одной крошечной комнатенке. Стоял ужасный смрад, но все уже привыкли.

Точно так же, как и Е Дуо, жили и все ее прежние соседи: сколько бы людей ни набивалось в семью, все ютились в одной комнате. В некоторых домах жило по семь-восемь человек, и спать им приходилось прямо сидя.

Семья Цинь не разорилась, но захваченные земли возвращать никто не собирался.

Ранним утром, едва Е Хуай вышел за порог, дорогу ему преградила толпа людей.

Шао Цзюнь с лукавой улыбкой произвел: — Сяо Хуай, подумать только, ты ведь сумел вернуть дом! Посмотри на всех нас, мы сегодня же переедем сюда, чтобы составить тебе компанию?

— Именно так, Сяо Хуай, одному тебе здесь скучно, а мы придем и проживем с тобой, — улыбнулась Цзоу Фэй.

Е Хуай молча окинул взглядом собравшихся. Все лица были знакомыми: здесь толпилась сотня с лишним человек — взрослые, дети, старики. Не хватало лишь нескольких лиц — судя по всему, они уже сыграли в ящик.

— Сяо Хуай, дедушка так соскучился по тебе! Где ты пропадал? — Е Чэнь подбежал ближе и, схватив Е Хуая за руку, не скрывал своего волнения.

Е Хуай брезгливо стряхнул руку Е Чэня и холодно бросил: — Хватит ломать комедию перед моим носом. В этом доме хозяин — я, и сюда не всякая свинья или собака войдет. У вас у всех с рождения собачья доля, проваливайте!

Е Хуай хорошо помнил, как в те времена, когда он умирал с голоду, он просил у этих людей корочку хлеба, но никто из них не поделился. Он понимал, что им самим приходилось несладко, но какими бы трудными ни были их времена, они всё же жили лучше, чем маленький ребенок! К тому же их семья тогда обнищала именно потому, что эти нахлебники проедали все запасы. Разве трудно было вернуть ему должок хотя бы одной ложкой еды?

Если бы не тот человек, который отвел его на корабль воровать и забросил неведомо куда на остров, он сейчас, даже если бы не умер от голода, наверняка был бы забит до смерти за воровство.

— Что здесь происходит? — Стражники семьи Цинь заметили толпу и подошли выяснить обстановку.

— Господин Юнь, этот мальчишка вырос неблагодарным! — Шао Цзюнь, знавший стражников в лицо, поспешил вперед.

— Говори, что стряслось? — бесстрастно произнес Цинь Юнь.

— Это же его дедушка, бабушка, дядя и я — мы все его родня, а он не пускает нас в собственный дом! — обиженно заныл Шао Цзюнь.

— И то верно! Ума не приложим, чему учили этого ребенка, раз он даже от родных отрекся, — заплакала Цзоу Фэй.

Стоило Цзоу Фэй заплакать, как зарыдали и остальные. И это были вовсе не наигранные слезы — каждый из них искренне оплакивал свое горе.

И дело было вовсе не в самом Е Хуае: просто жить стало невыносимо тяжело, даже хуже, чем в те дни, когда они перебивались случайными заработками. И пусть крыша теперь не протекала во время дождя, но теснота была невыносимой!

Пусть вокруг кипела шумная и яркая жизнь, денег на покупки у них не было!

В нынешнем дворе Чуньфа народу набилось слишком много, за любую работу приходилось насмерть драться с конкурентами. А эти люди, в отличие от Тан Цзиня, не умели добывать целебные травы, чтобы заработать, так что жизнь их катилась по наклонной.

Вдобавок к этому семья Тан отняла у них множество сельскохозяйственных угодий, из-за чего цены на зерно взлетели до небес. Дневной заработок здесь составлял всего двадцать медных монет — хватало лишь на самую паршивую похлебку, и за прошедшие годы люди уже забыли, каков на вкус настоящий мяса.

Глядя на их слезы, Цинь Юнь проникся к ним некоторым жалостью. Переведя взгляд на Е Хуая, он прикрикнул: — Живо пусти родню в дом! Совсем совести нет, как можно вырасти таким неблагодарным?!

Е Хуай усмехнулся и спросил: — Ты дурак, что ли?

— Что ты сказал? — Цинь Юнь прищурился и угрожающе шагнул вперед.

Е Хуай подошел чуть ближе и холодно произнес: — Я спросил, дурак ли ты? Разве тебе не известны правила семьи Цинь? Дом куплен мной, и решать, кому в нем жить, а кому нет — мое дело. Ты что же, возмнил себя выше семейного кодекса семьи Цинь?

— Это... — Цинь Юню нечего было возразить.

— Помоги-ка мне выгнать отсюда этих бесстыжих хамов. Сборище скотов в человеческом обличье — я скорее собак заведение, чем позволю этим тварям переступить порог. — Е Хуай достал десять золотых монет и протянул их Цинь Юню.

Деньги!

Какая прекрасная вещь!

Цинь Юнь принял монеты и рявкнул на Шао Цзюня и остальных: — Ану брысь отсюда! Устроили сборище, бунт затеяли, жить надоело?!

Люди переглянулись, но, не смея перечить, с кислыми минами поплелись прочь.

Неужели они так просто сдадутся?

Конечно нет!

Поэтому все они отправились искать Е Дуо.

Е Хуай вернулся домой, запер дверь на засов и завалился спать.

Поначалу Е Дуо собиралась идти вместе со всеми, но потом подумала: она ведь мать, пусть лучше Е Хуай сам придет и позовет ее.

Она приготовилась, окликнула мужа, усадила детей дома и стала ждать.

Увидев вернувшегося отца Е Чэня, она с улыбкой спросила: — Ну как, дом уже убран?

— Тьфу! — Е Чэнь рассвирепел и выругался: — И в кого только уродился этот твой ублюдок! Ума не приложу, как ты его воспитала — точь-в-точь как тот проклятый Тан Цзин: черствое сердце, ни капли человечности, ни капли родственных чувств! Предпочел отдать десять золотых монет стражникам семьи Цинь, лишь бы нас на порог не пустить!

— Проклятье, ну просто проклятье! — Е Дуо затопала ногами и запричитала: — Десять золотых монет! Десять золотых монет! Как он мог так запросто отдать их чужим людям?! Сколько же мне горбатиться придется, чтобы заработать такие деньги?!

Ее муж, жирный толстяк, вытянул руки и принялся вслух подсчитывать: — Одна золотая монета — это сто серебряных юаней. Десять золотых — тысяча серебряных! Один серебряный — сто медных монет, значит, десять серебряных — тысяча медяков, сто серебряных — десять тысяч, а тысяча серебряных — сто тысяч медных монет!

Считая в уме, толстяк горько заплакал: таких деньжищ ему за всю жизнь не заработать... И все они пропали!

— Пошли! — Е Дуо уже не волновало ничего остального. В ярости она выскочила из дома — ей непременно нужно было посмотреть, что это за неблагодарный сынок такой и чего он

добивается!

Под предводительством Е Дуо разъяренная толпа двинулась к дому Е Хуая.

Хотя народу набилось много, выбить дверь никто не смел — люди лишь орали и бесновались на пороге.

Сначала толпа покричала на разные лады, но Е Хуай так и не открыл дверь, и тогда в бой вступила сама Е Дуо.

— Открывай дверь!

— Ах ты неблагодарная тварь!

— Да ты хуже животного!

— Чтоб тебя молнией поразило!

— Чтоб ты подох в муках!

— Весь в своего папашу-покойника, хорошего конца не жди!

Е Дуо визжала и вопила на весь квартал, забыв обо всяком стыде — стоило ей вспомнить, что ее семейство из четырех человек ютится в одной каморке, как внутри нее всё закипало от злости.

И в самом деле!

Е Хуай распахнул дверь и вышел наружу с совершенно безразличным лицом.

Увидев его, Е Дуо пришла в крайнее возбуждение.

— Всё-таки вылез, паршивец?!

— А я думала, ты там согнешься и сниешься заживо!

— Чего же ты не прятался дальше?!

— Люди тебя не приберут, так небеса покарают!

— Старуха мать тебя выкормила, вырастила, а ты и в ус не дуешь, никакой благодарности?!

— Вылитый твой папаша-ублюдок, бессердечный чужак!

Пока она бранилась, Е Дуо двинулась вперед, намереваясь прорваться внутрь, но створки двери захлопнулись прямо перед ее носом. Толкнуть их она не посмела, да и сил не хватило.

Е Хуай слабо улыбнулся и произвел: — Поимей хоть капельку совести, уходи. Теперь я наконец понял, почему мой отец бросил эту семью — во всем виновата только ты. Я больше не держу зла на тебя, и на отца тоже не сержусь. Отныне между нами нет и не может быть никаких родственных связей!

В тот же миг Е Хуай взмыл ввысь и улетел прочь.

Это место вызывало у него лишь тоску и тяжесть на душе. Лучше уйти!

Куда же податься?

На остров!

Но...

Немного поколебавшись, он все же решил отправиться на остров — просто потому, что в этом огромном мире ему больше некуда было идти.

Опасаясь гнева Тан Цзина, он вернулся тайком, но обнаружил, что маленький дворик пуст, и на сердце у него скребли кошки.

Впрочем, раз уж он прожил здесь несколько лет, пока можно пожить здесь же!

В этот день в полдень отец и сын случайно столкнулись на улице.

Тан Цзин как раз прогуливался вместе с Цинь Бин. Завидев Е Хуая, он не смел заговорить с ним открыто.

Е Хуай молча следовал за ними. На всем белом свете это был единственный человек, который относился к нему по-доброму. Когда-то он хотел называть его учителем, но тот отказался; пытался назвать приемным отцом — тот снова не принял это имя. Пожалуй, их отношения напоминали господина и слугу, однако мужчина никогда не обращался с ним как с прислугой, а заботился даже лучше, чем о родном сыне.

— Ты чего увязался? — Цинь Бин недовольно уставилась на Е Хуая, решив, что этот парень преследует их.

— Э-э, я... — Е Хуай посмотрел на Тан Цзина, не зная, что и сказать.

Теперь, когда всё зашло так далеко, Тан Цзину волей-неволей пришлось объясняться. Он прямо спросил: — Ты держишь зла на отца?

— Больше не сержусь. — Е Хуай покачал головой. Раньше злился, но со временем обида улетучилась.

— Я ведь твой отец! — с улыбкой произвел Тан Цзин.

— Отец?!

На лице Цинь Бин застыло крайнее изумление. Она тут же набросилась на него с расспросами: — Папа, у тебя откуда вдруг сын взялся? Постой-ка, не сходится! Даже если бы он у тебя был, он не мог вырасти таким взрослым — ты ведь последние годы пропадал тайком, от силы год-два назад у тебя мог родиться ребенок!

— Малышка Бин, ты ведь вечно твердила, что хочешь младшего братишку. Вот он, перед тобой, а ты и не признала его, — усмехнулся Тан Цзин.

— Ах да, точно! — Цинь Бин кивнула, перевела взгляд на Е Хуая и заявила: — Я твоя третья старшая сестра! Между прочим, когда ты был маленьким, я держала тебя за твой писюн!

— Девчонка бесстыжая! — Тан Цзин отвесил дочери легкий подзатыльник. Совсем потеряла язык за зубами!

— А что я такого сказала? — Цинь Бин бросила косой взгляд на отца, не видя в своих словах ничего особенного.

— Ты... ты и вправду мой отец? — Е Хуай, наконец придя в себя, уставился на Тан Цзина, не зная, стоит ли ему признавать в этом человеке родителя.

— Да. Отец перед тобой виноват! — На лице Тан Цзина проступила горькая вина — он ведь сам обрек сына на столько лишений!

— Я не хочу признавать тебя! — Из глаз Е Хуая брызнули слезы, голос сорвался на хрип: — Пусть ты и делал мне добро, но когда-то ты бросил меня! Из-за тебя я едва не умер голодной смертью. Я больше не злюсь на тебя, но никогда не прощу!

— Прости меня! — Глаза Тан Цзина увлажнились, но он изо всех сил сдерживался, не позволяя слезам пролиться на землю.